

Проблемы

ДЕТСКИЕ БОЙКОТЫ: КАК ПОМОЧЬ РЕБЁНКУ, ЧТО ДЕЛАТЬ РОДИТЕЛЯМ И ПЕДАГОГАМ

Консультация детского психолога

М. КАПИЛИНА

Большинство людей на своём опыте знают, что в подростковом возрасте многие или подвергались бойкоту, или сами были участниками гонений. Что такое бойкот? Это когда один ребёнок в группе детей подвергается воздействию молчания, это активная форма игнорирования человека, его отрицание.

Молчание — очень сильное средство общения между людьми. Когда оно наполнено смыслом — не враждебностью, а смыслом, молчание может оказывать огромное влияние.

Мы знаем, какую силу может иметь пауза — когда человек, не отвечая, оставляет время другим подумать, и как она может быть благотворна. Но в бойкоте мы сталкиваемся с молчанием как с формой проявления враждебности, групповой травли. Это не просто конфликт, а травля, уничтожение одного человека другими. Это и борьба за власть. Власть сделать существование человека невыносимым — и неважно, в подобном случае мы говорим о бойкоте или о том, что ребёнка, например, коллективно бьют.

По сути, бойкот — это то же избиение, только при помощи энергии игнорирования. А для взрослых людей это прежде всего знак того, что в группе детей происходит иерархическое становление при помощи силы.

На ком «попробовать зубы»?

Если говорить о структуре подросткового бойкота, то здесь всегда есть идейный лидер и есть приобщившиеся. Когда авторитет взрослых падает, у детей встаёт вопрос авторитета внутри своей группы. И какой-то лидер начинает стремиться к власти.

Травля — это проба своей силы, власти и над жертвой, и над другими людьми, которых он, этот лидер, за собой ведёт. Он получает власть вершить судьбу. Это, конечно, иллюзия власти, но такие негативные лидеры — это дети, пленённые страстью к власти над чьими-то чувствами. При этом иногда в такую позицию попадают дети совершенно неплохие, просто они увлекаются судом:

135

Сведения
об авторах
[143 - 144]

начинают решать, что этот человек плох и с ним надо разобраться. Есть желание осудить кого-то, применить к нему силу разбирательства, а моральные устои подростка ещё не совсем сформированы.

Подростковый возраст — это возраст, когда уже есть желание судить о чём-то самому и действовать на основе собственных суждений; ограничения взрослых уже не срабатывают, а вместе с тем ещё нет достаточной чувствительности и милосердия — душа ещё не воспитана, вот тут-то и начинается этот самосуд.

Дети бывают жестоки — но не все. Для большинства происходящее — знак, что и они могут оказаться на месте ребёнка-изгоя, а если не хочешь — присоединяйся. Срабатывает стадный инстинкт. Тот самый феномен — «мы» и «они», когда «мы» даёт ощущение безопасности. А «они» — это вроде какой-то враг, сделавший нашу жизнь хуже. Нужен какой-то враг, чтобы на нём «опробовать свои зубы».

Конфликт ранит всех

Когда дети растут в цивилизованном, гуманном обществе — я уж не говорю о христианском, ситуация «все на одного» сама по себе очень тревожная. Что тут могут сделать педагоги? Необходимо поговорить с детьми. Разговор следует вести открыто со всеми участниками ситуации. Не надо бояться свары, нужно организовать нормальное общение.

Педагоги могут собрать класс, могут пригласить родителей главных действующих лиц и сказать: «У нас проблема. У вас объявлен бойкот, вы не разговариваете с таким-то мальчиком. А в нашей школе таких отношений, чтобы все набрасывались на одного и делали его жизнь невыносимой, быть не может. Давайте разберёмся. В чём ваши претензии к человеку? Если он виноват — давайте найдём способ исправить ситуацию. В чём ваша цель? Затравить человека и сжечь его со света? Или у вас есть конкретные претензии, может быть, вы ему их выскажете — и он исправится, и проблемы не станет, и все мы опять будем жить дружно? Потому что конфликт, острые отношения — они плохи для всех, они всех ранят. Это нездоровая ситуация — не думайте, что вас это не касается!»

Действительно, бывает, что какой-то ребёнок сам всех бьёт, обижает, и дети против него объединяются. Если для возмущения есть реальная здоровая почва, одноклассники могут высказаться — он то-то и то-то делает. С каждым случаем нужно разобраться по отдельности, сначала дать возможность высказаться обиженному, потом обидчику, выяснить у ребёнка, что стояло за его поведением, что он хотел на самом деле, может ли он вести себя иначе? То есть выяснить, в чём суть претензий и как можно примирить обе стороны. И если дети идут на этот разговор, это означает, что гонимый ребёнок действительно всем чем-то «насолил». Но так бывает редко.

Один за всех и все на одного

Гораздо чаще мы сталкиваемся с травлей. И если понятно, что в классе выбрали кого-то слабого, кто почему-то всем не нравится, то в этом случае можно сказать жёстко: «Ваш класс не разговаривает с ребёнком, потому что он вам не нравится. А педагогам не нравится такой класс. И нам придётся поступить с вами

так же. К примеру, у нас не будет устных вопросов, а вы все переходите на письменную форму обучения, с вами не будут разговаривать учителя. Или вы вообще все не приходите в школу до тех пор, пока не найдёте другого решения конфликта. Как вам это понравится?»

Если в школе, в классе такие вещи происходят — это показатель неблагополучия отношений внутри коллектива детей. И взрослые обязательно должны дать оценку того, что происходит. Очень важно выяснить, кто инициатор конфликта, и спросить: «Не боитесь ли вы, что когда-нибудь это случится с вами, ведь в жизни многое возвращается?»

Ошибка педагогов бывает в том, что они, вызвав к себе зачинщиков конфликта, требуют подружиться с объектом общей травли. Нельзя в конфликте детей брать на себя силовое решение. Наша задача — помочь детям разобраться в своих чувствах, в том, что хорошо, что плохо, и дать им понять, какой выбор правильный, а какой нет. Но действовать всё равно будут они.

Что делать родителям?

Если ребёнок приходит домой весь в слезах и говорит: «Мне объявили бойкот», нужно спросить, кто конкретно это сделал. Весь ли класс с ним не разговаривает? Внезапно ли это случилось? Как ребёнок думает, почему это произошло? То есть поискать разумные причины, и постепенно следует составить некую картину. Не сразу кидаться на амбразуру, ведь, может быть, и ребёнок в чём-то не прав. И если ребёнок достаточно взрослый, ему нужно сначала предложить разобраться самому.

Внутренне крепкому ребёнку можно предложить прийти в класс и сказать: «Почему вы все со мной не разговариваете, что я вам сделал? Объясните мне — если я не прав, я исправлюсь. А если вы просто травите меня, потому что вам охота над кем-нибудь поиздеваться, значит, вы — негодяи!» Если называть вещи своими именами, это задевает людей, вызывает желание ответить. И если начнётся разговор, то лёд будет разбит. И пусть это будет ругательство, пусть это будет какое-то горячее взаимодействие — тем не менее это уже диалог, в котором можно прояснять отношения, а эмоциональное напряжение спадёт само собой.

А если ребёнок боязливый и робкий, боится завести разговор сам, если у него уже истерика, он не в том состоянии, когда можно идти выяснять отношения, тогда нужно родителю встать на его место, пойти к учителю и вместе с ним встретиться с классом и постоять за своего ребёнка.

Прийти в класс, сказать: «Я — мама. У вас у всех есть родители. Вы бы хотели, чтобы ваша мама приходила каждый день домой, забивалась в угол, плакала и не разговаривала с вами? Вам было бы её жалко?» Попытаться поговорить с детьми, рассказать им о чувствах своего ребёнка. Иногда дети имеют одно представление о своих поступках, а когда им помогают понять, как это на самом деле, их поведение может измениться безо всякого давления. Очень важно не «наезжать» на детей: «Как вы посмели обидеть моего замечательного ребёнка?!» Агрессия порождает агрессию, говорить нужно по возможности спокойно. Я не беру крайние формы издевательств, когда уже пора подавать в суд, я говорю о том, когда ещё можно восстановить ситуацию.

Однако бывают крайние случаи, когда ребёнок уже настолько сильно пострадал, что для него невозможно вернуться в эту школу. Тогда нужно уходить из школы. Но уходить, не разобравшись, ни в коем случае нельзя. А после выяснения ситуации можно сказать: «Мы уходим, но не потому, что вы такие сильные и мы вас испугались, а потому, что в вашем классе очень много подлости и вы это культивируете, а мы не хотим быть внутри таких отношений».

Коллективная травля — это большая травма, она может породить боязнь людей. Как выводить ребёнка из этого? С ним должен обязательно поговорить священник, психолог, нужно выработать какую-то линию поведения. Ему надо очень сочувствовать: «Да, конечно, когда все против одного, это очень тяжело, но ведь ты всё-таки это выдержал!» Потом нужно обсудить: может быть, присоединились к бойкоту не все и кто-то относился к ребёнку по-другому? То есть обязательно акцентировать внимание, что не все тридцать человек в классе его активно ненавидели. И важный момент — помочь понять, почему люди так действовали, знали они или не знали, как это влияет на ребёнка?

В том случае, если вы решили уйти из класса, ребёнку нужно сказать: «Мы уходим, потому что мы не хотим быть с этими людьми, в жизни бывает так, что в каком-то месте нам не рады, а в другом месте мы обязательно найдём друзей». Подумайте с ребёнком о тех людях, которые его любят, и о том хорошем, что есть в его жизни.

Бывают ситуации, когда ребёнку вроде бы и не объявляют бойкот, но никто с ним особо не дружит. Причины тут разные. Это происходит иногда с гиперопекаемыми детьми, чьи родители придерживаются позиции «мой ребёнок исключительный». И вот когда такие мысли внушаются ребёнку, у других детей это часто вызывает раздражение. Когда рядом сидит «исключительная личность», невольно хочется сделать что-то, чтобы она стала менее исключительной, сбить спесь.

Такие дети — жертвы, отношение к ним других детей — это целая тема, не имеющая никакого отношения к бойкотам, хотя родители этих гиперопекаемых детей могут тоже захотеть прийти в класс и потребовать, чтобы с их чадами все дружили.

Не присоединился — герой?

Если детей воспитывать в уважении и сочувствии к другим людям, если у них будут понятия о том, что нельзя нападать на другого просто потому, что он тебе не нравится, то такие дети никогда не будут устраивать бойкот или присоединяться к травле. Способность принимать другого человека, даже если он не похож на тебя, — это профилактика бойкотов.

Если ребёнок не присоединяется к коллективной травле, его нужно поддерживать, но не превозносить. Можно сказать: «Знаешь, ты нормальный человек. И я тебя поддерживаю». А дальше нужно разобраться, объяснить, что в бойкоте всегда есть лидер, другие ему подчиняются, потому что боятся, а если кто-то протестует против его власти, он на тех постарается обрушиться. И надо быть к этому готовым.

Лучший способ действий в этой ситуации — прямой откровенный разговор с зачинщиком травли в присутствии других людей. Ему можно сказать: «Может быть, этот человек не прав, но я — против такого способа действий. Тобой дви-

жет желание проявить свою власть и жестокость, а все, кто тебя слушают, просто трусят».

Когда люди слышат то, что им или не приходило в голову, или приходило, но они боялись признать, они уже не могут это игнорировать. Ситуация перестанет быть скрытой, и люди, объявившие бойкот, не смогут по-прежнему носить маску благородного, справедливого, законного воздействия. Это сорвет напряжение — и бойкот будет прерван.

Не обличить, но помочь

Призывать ребёнка к противостоянию бойкоту, навязывать ему активные действия неправильно, потому что это уже получается не его личный выбор.

Ваша задача — помочь ребёнку понять, что происходит. Может быть, этим вы поставите его в сложную ситуацию, когда он уже знает, что другие не правы, но всё равно не может пойти против всех, трусит. Но пусть он хотя бы это понимает, пусть его мучает совесть! Муки совести — это муки роста. Может быть, этот стыд в дальнейшем подвигнет его быть сильнее — и в следующий раз ребёнок выскажется, а в этот раз он хотя бы участвовать в бойкоте не будет. Он узнает себя, начнёт искать в себе силы, потому что если стыд жжёт — ты будешь искать силы измениться.

А вот классу выразить своё мнение необходимо. Например, так: «Что происходит, когда вы не разговариваете с Женей? Жене плохо. Вы уверены, что он понимает, за что вы с ним не разговариваете? Женя не может исправить ситуацию, потому что ему никто ничего не объясняет. Если ваша цель — изменить Женино поведение, то бойкот не тот способ. А другие люди получают от этого удовольствие, и вот это страшно. Получается, что ваша подлинная цель — помучить кого-то и почувствовать свою силу?»

Лидер бойкота — мой ребёнок?

Самая тяжёлая ситуация для родителей не тогда, когда ваш ребёнок — жертва, а когда ребёнок — лидер в травле. Это пугает, ввергает родителей в отчаяние: как мой ребёнок так мог?! Ему невозможно сочувствовать в этой ситуации, он вызывает гнев — и в то же время это ваш ребёнок, и большинство родителей чувствуют себя в тупике. Они не могут поверить, и первая их реакция — обвинение: «Нет, тот сам виноват, а моего ребёнка оболгали!» Ведь иначе получается, что он плохой родитель, раз его ребёнок такое чудовище!

Здесь очень важно не поддаваться первому порыву и не делать поспешных выводов, а убедиться, что вы действительно собрали всю информацию с разных сторон, и только потом реагировать. Необходимо постараться отделить ваши эмоции от ваших действий, которые должны быть очень осмысленны.

Если вы, поговорив со своим ребёнком, с другими детьми, со взрослыми, убедились, что ваш ребёнок действительно организатор бойкота, а он в этом не раскаивается (в душе, может, и боится, но вины своей не признаёт), можно ему сказать: «Я вижу, ты так настроен все отрицать, ты чувствуешь себя правым. Может, всё, что ты сделал, и имело благую цель, ты был возмущён поведением этого мальчика, считал, что с этим надо бороться. Но давай посмотрим, что получи-

лось. Вы все объединились против одного человека, вы увлеклись своим воздействием — и у вас поменялись местами ваша благая цель и тот способ действий, которым вы пытались её достичь. А это уже явно не благой путь, и привёл он совсем не к благой цели. Посмотри — достигли ли вы того, что хотели? Или вы достигли чего-то другого? Давай разберём результаты: у нас — конфликт, нервный срыв вот этого человека, а действительно ли он так виноват? Ты хочешь сказать, что не хотел, чтобы он был в таком состоянии, но вопрос не в том, что ты хотел, а в том, что ты сделал и что из этого получилось. И поскольку твои действия к этому привели, значит, ты виноват».

Здесь важно помочь ребёнку: с одной стороны, дать ему надежду — «я понимаю, что ты не хотел самого плохого». А с другой стороны — «может быть, нужен был другой способ действий?». Где он перешёл грань между справедливым возмездием и жестокостью?

Если ребёнок скажет, что не хочет просить прощения, можно спросить его: «Ты боишься, что все повёрнутся против тебя и так же, как ты сейчас травил вот этого, начнут травить тебя? А знаешь, почему тебе страшно? Потому что ты выпустил джинна из бутылки. Ведь известно, кто сначала людей подбивает на злые дела, а потом пугает, а на самом деле подобные страхи лишают человека возможности раскаяться и исправить свою вину. И только правда, признание в неправильности своих действий помогают человеку отказаться от них и начать действовать иначе».

Самое главное в отношениях с детьми — помогать им находить правильные пути. Хотя нам самим сначала нужно эти пути находить, тогда мы сможем помочь нашим детям. Это, конечно, подвиг, и это самый большой воспитательский труд.

/Записала Марина Нефедова/